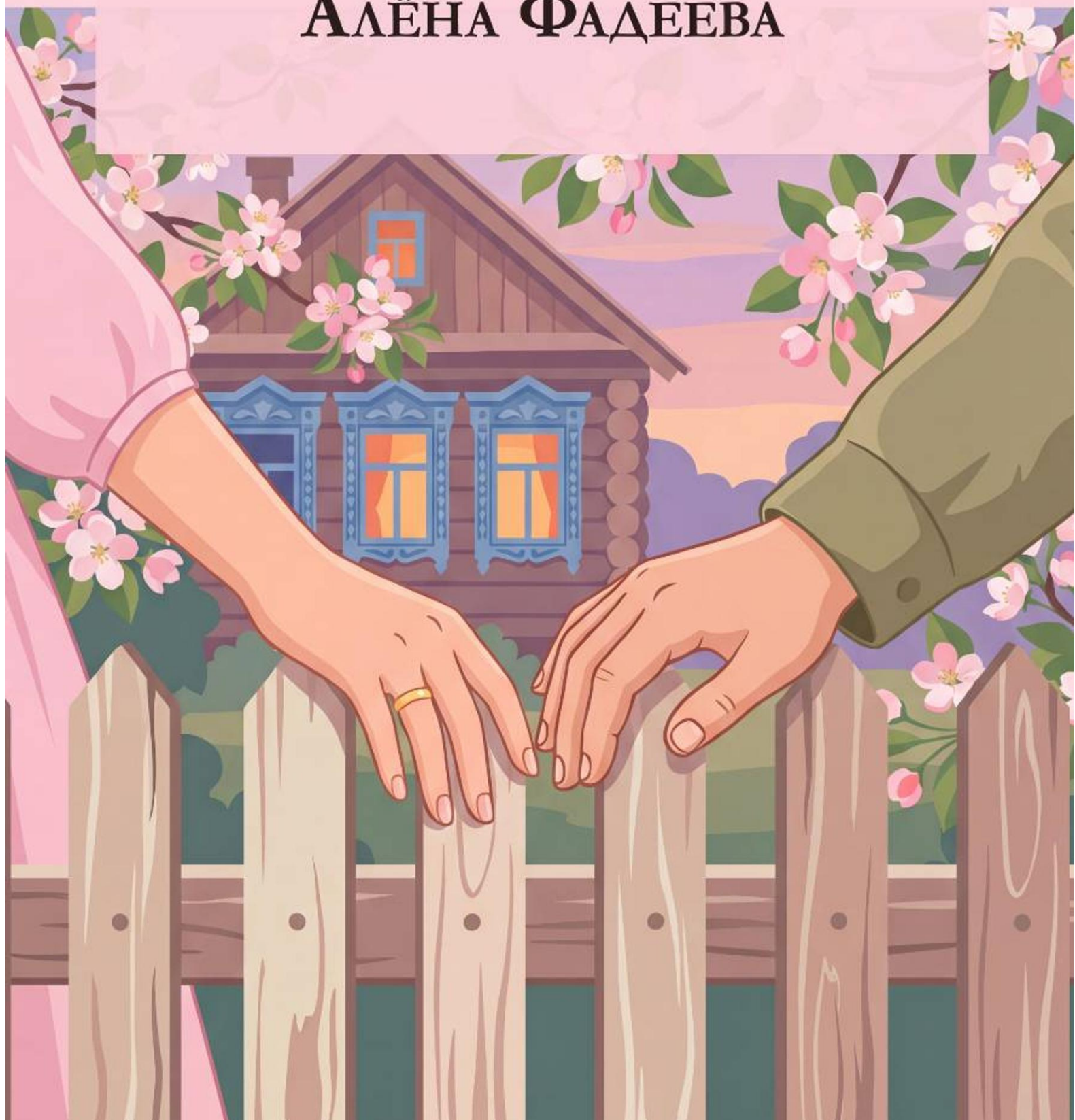

АЖЮТА

АЛЁНА ФАДЕЕВА

Русское сердце

Алена Фадеева

Анюта

«Автор»

2026

Фадеева А.

Анюта / А. Фадеева — «Автор», 2026 — (Русское сердце)

Анна — успешная москвичка, запертая в идеальном, но фальшивом браке. Павел — деревенский учитель с разбитым сердцем и талантом, буквально зарытым в землю. Они ненавидят друг друга с первой встречи у старой водоразборной колонки. Он считает её избалованной пустышкой, она его — неотесанным хамом. Но одно случайное пари на сцене сельского театра меняет всё. Анна должна сыграть главную роль в самодеятельном спектакле по Чехову. Но чем ближе премьера, тем тоньше грань между игрой и настоящей страстью. У них есть целое лето. Для нее, чтобы найти себя. Для него, чтобы снова поверить в любовь.

© Фадеева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Иллюзия присутствия	5
Глава 2. Короткое замыкание	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Алена Фадеева

Анюта

Глава 1. Иллюзия присутствия

Анна.

Туалет их офиса в башне «Федерация», где-то между сороковым и пятидесятым этажами, видел немало девичьих слез. Юля, эта молоденькая сотрудница двадцати четырех лет, три месяца назад закончившая магистратуру, не будет ни первой, ни далеко не последней.

Еще полчаса назад она стояла посреди небольшой переговорной, и плакала тихо, с достоинством, стирая слезы костяшками дрожащих пальцев. В этом кабинете, с видом не самым привлекательным (окна его смотрели прямо на соседнюю башню), их было трое: Олег Евгеньевич, начальник департамента управления рисками, Анна Алексеевна Большакова, старший менеджер их подразделения и непосредственный начальник Юлии, и сама провинившаяся, неуверенно пытающаяся объяснить досадную ошибку.

Она не знала, кого ей бояться больше: Олега Евгеньевича, что тихо постукивал карандашом по стеклянному столу, или Анну Алексеевну, которая сидела в своём графитовом костюме, закинув ногу на ногу, и смотрела на неё с хищным выражением лица. Юле стало ясно, что перед тем как вызвать её, Анна Алексеевна и сама выслушала все претензии к работе её отдела.

– Юлия, вы понимаете, что из-за вашей ошибки, удачно выявленной Анной Алексеевной, – он посмотрел в сторону коллеги, – работа, которая велась ни один месяц, могла...

– Пойти коту под хвост, – закончила за него Анна. Она не стала подбирать более подходящих слов.

– Юлия, Анна Алексеевна не обязана была видеть эти документы, вы это понимаете? Она же ваш наставник, куратор, а не нянька, чтобы перепроверять ваши «домашние задания».

– Олег... – Анна мягко дотронулась до локтя начальника. Они проработали вместе уже много лет, и она знала, что этот жест не вызовет у него возражений. Она также понимала, что Олег Евгеньевич любил проводить такие показательные разборы, когда новичок впервые допускал ошибку. Когда-то она сама была на месте Юлии, но тогда не проронила ни слезинки. Годы, проведенные в ее семье, научили стойко принимать любую критику.

Олег Евгеньевич еще пару минут просто смотрел на Юлию, прежде чем снова заговорил:

– Идите. Исправляйтесь. Но если будет ещё одна ошибка – я подумаю над тем, что бы перевести вас для работы в отдел аутсорсинга учетных функций. Там и работа попроще, но и рост ваш заметно замедлится.

– Понятно, – прошептала Юля. – Извините.

– Идите.

Юлия медленно повернулась на каблуках и поторопилась покинуть это светлое, но такое давящее пространство.

– Олег, – Анна поставила ноги вместе и сосредоточила взгляд на стыке двух плиток керамогранита, – ты зря так ополчился на бедную девочку.

– Знаю, – он отшвырнул карандаш в сторону и посмотрел на Анну, – но ты понимаешь, что будет, если дать слабину.

– Да, я это отлично знаю. Если бы я не училась на своих, признаться честно, многочисленных ошибках, я бы не сидела сейчас здесь.

Анна подтянулась на руках, поднимаясь с кресла. Ей не требовалось разрешения Олега, чтобы уйти. Колени предательски заныли – она давно не ходила на тренировки, а носить высокие каблуки становилось все труднее. Олег Евгеньевич окликнул ее почти у самой двери.

– Ань, по поводу повышения...

Анна обернулась и посмотрела на него долгим, но немного усталым взглядом.

– Я думаю, месяца через три меня повысят, и... Ань, не ошибись с теми, кто переедет с тобой на этаж выше.

– Кофе-машину заберёшь? – она улыбнулась легкой и очаровательной улыбкой, на которую была, как ни странно, еще способна.

Анна вышла из кабинета и, свернув за угол, зашла в просторный женский туалет. Оставилась у одной из раковин и посмотрела на своё отражение в узком зеркале. На нее смотрела женщина, которая, несмотря на молодость, уже была опытна и не так наивна. Дорогой костюм, шелковая блузка фисташкового цвета, идеально выпрямленные длинные русые волосы, безупречная осанка. Несколько морщин на лбу и у носа, которые она уже давно хотела исправить с помощью инъекций. Осенью обязательно...

За дверцей одной из кабинок послышались всхлипывания. Анна застыла, чтобы ничем не выдать свое присутствие. Она знала, что там находится Юля и мысленно проклинает и Олега, и ее саму. Что ж, она, наверное, это заслужила. Ведь все знали, кто был «королевой этого стеклянного муравейника». Анна Алексеевна Большакова. Дочь «стального гиганта» Сергея Большакова, что уже три года скрывался от всех на Кипре со своей молодой женой. Жена финалиста очередного песенного шоу на центральном канале Петра Славина. «Мисс «Самый престижный университет Москвы» 2010». Женщина умная, в меру красивая, удачливая, а главное – богатая. И плевать, что все вокруг ее боятся, прячут взгляд, когда она проходит рядом, шепчутся о ней в кафетерии и боятся обращаться напрямую. Плевать, ведь даже если завтра все это здание упадет в Москву-реку, единственным чувством, которое она испытает, будет облегчение. Что это – тотальная усталость, дефицит железа или скука, которая накрыла ее пару месяцев назад, после празднования Нового года? И на вопрос «Что делать с этим?», у Анны пока не было ответа.

Она решила больше не смущать бедную девочку, затаившуюся в кабинке, вышла из туалета и уверенным шагом пошла по длинному коридору в сторону кабинета. Приложила пропуск к магнитному замку, тяжелая дверь из матового стекла бесшумно закрылась, отрезая ее от корпоративного гула. Она сделала пару шагов и, скинув свои дорогие туфли-лодочки, плюхнулась в кожаное кресло. Анна закрыла глаза, но все еще чувствовала на веках солнечный свет, что падал в большое окно. Где-то там внизу раскинулась Москва – огромная, суетливая, чужая.

Открыла глаза. Взяла в руки мышку. Черный экран ожил, и на мониторе появилась очередная белая таблица. Она запустила пальцы в волосы и немного потёрла виски, пытаясь взбодриться. Там, за дверью, шла обычная офисная жизнь. Марина жевала салат из контейнера, и хихикала, глядя в телефон; в дальнем углу опенспейса Дима, один из младших менеджеров их подразделения, громко разговаривал с клиентом, уверяя, что отчет по его вопросу будет выполнен в срок; у прохода Света выщипывала брови, прикрываясь папкой, когда кто-то проходил мимо.

Обычный вторник. Обычная жизнь.

Но почему Анне так хочется забраться на высокий мост и сигануть в холодную воду, чтобы снова почувствовать себя живой?

Домой она добралась только к девяти вечера. На бесшумном лифте поднялась на самый верхний этаж дома, что выходил фасадом на Нагатинский затон. Анна повернула в замке ключ и потянула на себя тяжелую входную дверь.

«Умный дом», уловив ее шаги, включил тусклый контурный свет в коридоре и на кухне.

– Петя? – позвала она мужа, небрежно сбрасывая туфли на пол.

Дома тихо. Гостиная пуста. Не было Петра и в кабинете. Кухонный остров сиял чистотой. Ее никто не ждал.

Желудок резко свело от голода – за весь день она выпила всего лишь три чашки кофе, а на обед проглотила несколько ложек поке. Желания готовить и даже заказывать еду, не было. Все это казалось таким же бессмысленным, как и очередные отчеты или редкие звонки отца.

Анна набрала в стакан воды, выдвинула верхний ящик одной из тумб и достала начатый блистер с лекарством. Без этой «химии» в последнее время ей не удавалось заснуть. До того как снотворное начнет действовать, остался час.

Быстро приняв душ, надела на прохладное тело шёлковую пижаму, легла на свою половину большой кровати и закрыла глаза, ожидая, что таблетка наконец-то подействует. Но в ту же секунду по пустой квартире разнесся щелчок дверного замка, и в щель между дверью и полом проникла тонкая полоска света. В коридоре послышались шаги.

Петр постарался как можно тише войти в комнату, но Анне всегда казалось, что он приносит с собой шум чужих праздников. Сегодня от него сильно пахло сигарами, хотя он никогда в жизни не курил и не пил – берёт драгоценные связки.

– Анюта, ты спишь? – он расстегнул браслет часов, положил их на тумбочку и начал снимать рубашку.

– Нет. Пока нет, – Анна подтянулась на локтях. Голова у нее уже немного потяжелела, движения стали неторопливыми, но внутри вдруг проснулась острая, почти отчаянная потребность в его тепле.

Анна переползла на его половину кровати и скользнула руками по его спине, когда он сел на край кровати. Ей захотелось, чтобы он просто обнял ее, сжал в крепких руках и своим низким и обворожительным голосом спросил у нее о чем-то простом, например, как у нее прошел сегодняшний день. Чтобы он просто лег на нее, придавил своим крепким телом и побыл ее мужем Петей, а не Петром Славиним, звездой очередного корпоративного вечера, откуда он только что вернулся.

– Ань, давай не сегодня. Я устал. Завтра сложный день, много дел.

Он встал с кровати, ускользнул из ее объятий.

«Как всегда», – подумала Анна. Но вслух лишь добавила:

– Что-то определенное?

– Да. Надо будет собраться. У одних ребят заказ слетел, надо подхватить, – громко проговорил он уже из ванной. – Послезавтра надо лететь в Омск. Вернусь в понедельник.

– В Омск? – переспросила Анна, опустившись лицом на холодную простынь.

Но Петр не ответил. Зашумела вода. Анна вернулась на свою половину кровати, взбила пуховую подушку и удобно уложила ее под шею.

Через пятнадцать минут вернулся муж, лег в кровать, повернулся спиной и быстро уснул. Его легкое дыхание с тихим присвистыванием заполнило тишину.

Снотворное почти парализовало тело. Ноги стали ватными, руки расслабились, но мозг все еще продолжал работать. Анна слушала дыхание мужчины, с которым она жила уже десять лет. И задавалась лишь одним вопросом:

– И что дальше?

Павел

Он надвинул на нос очки для чтения с тонкой оправой, и водрузил перед собой большую стопку тетрадей, перетянутую канцелярской резинкой. В кабинете, куда заглянуло послеобеденное солнце, становилось жарко. Но Павел знал: как только он распахнет окно, стайка его коллег опять начнет жаловаться, что им холодно и закутается в свои вязаные шали.

Здесь, на втором этаже старого здания, в этом светлом небольшом кабинете с пожелтевшими от времени и света обоями, с десятками комнатных цветов на шкафах, на которых слой пыли образовывался так быстро, что их не успевали протирать, стоял тихий покой, настоящий на чае с чабрецом. Иногда этот покой нарушался, как сейчас, громким залиvistым смехом то Надежды Валерьевны, то Екатерины Евтроповны. Сейчас они сидели за одним столом с единственной молодой учительницей в их общеобразовательной школе – Ольгой Леонидовной, разбирали тетради и документы, пили чай с терпким привкусом местной воды и бросали редкие жалостливо-оценивающие взгляды на Павла. Это теперь он знал – так замужние женщины смотрят на закоренелых холостяков.

Павел демонстративно кашлянул, чтобы дать понять присутствующим дамам, что он замечает все их знаки внимания. Потянул пиджак за рукава, снял его и положил поперёк спинки стула. Поправив упавшую на глаза прядь темных волос, он закатал рукава рубашки и вновь погрузился в чтение сочинений.

– Паша, – тихо позвала его Надежда.

Он не отреагировал. Не потому что не расслышал, как она вкрадчивым голосом произнесла его имя, а потому что знал, что последует за этим обращением.

– Пашенька, – Надежда наклонилась перед ним так, чтобы их лица были на одном уровне.

– Давно не виделись, Надежда Валерьевна, – Павел так и не поднял взгляд от тетрадей.

– Тебе разве не говорили, Павел, что вешать пиджак нужно за плечики, а то заломы будут.

– Я так понимаю, – он почувствовал, как она положила руку ему на спину и стащила со спинки стула свернутый пиджак, – обсуждение моего гардероба – это лишь предлог начать очередной пустой разговор. – Он, наконец, поднял на всех трех женщин взгляд. – Хотите, я угадаю, к вам приезжает ваша племянница?

Оля невольно хихикнула. Павел позволил себе улыбнуться, и вокруг его серых ярких глаз собрались редкие, но уже заметные лучики морщинок.

– Смейся-смейся, Паша, – покачала головой Екатерина Евтроповна. – Тридцать восемь лет мужику, а он все с отцом живет. Умный, видный, непьющий – редкость, во все времена. А живешь все бирюком. Школа да дом, дом да школа. Столько лет танцы ведешь в клубе, а девчущку себе так и не нашел.

– А может им нужно то, чего у меня нет?

– Это чего же? – Надежда Валерьевна пристально посмотрела на него.

– Желания.

Все замолчали, но минуту спустя Екатерина Евтроповна наконец-то ответила.

– На, дак, возьми откуда-нибудь это желание.

– Сейчас, дамы, я желаю лишь тишины, – он попытался отшутиться, – и чтобы Фадеев из седьмого, наконец, выучил, чем метафора отличается от эпитета.

В этот раз у него получилось перевести тему. Но уже через час, выйдя из учительской, Павел ощутил неловкий укол совести. Они были правы, во всем. Его жизнь давно стала предсказуемой, в том и было ее главное преимущество – никаких сюрпризов. А для спонтанности совсем скоро найдется повод, и для этого уже пора было предпринимать первые шаги.

Он спустился на первый этаж, его шаги эхом отражались от пустых стен, завернул у кабинета директора налево, и толкнул тяжелую деревянную, обитую дерматином дверь школьной библиотеки.

Он подошел к столу, где Вера Ивановна, что-то активно заполняла в компьютерной таблице.

– Опять мониторинг, очередной, как же они...

– Добрый день, я пройду?

– Да, Пашенька, проходи. Будешь братъ?

– Да, и если быть честным, – Павел оперся на высокий стеллаж. – Хочу забрать на лето?

Дадите?

– Тебе ли спрашивать, Павел Николаевич.

– Спасибо, – он резво хлопнул в ладоши и опустился на корточки, ему нужны были книги на букву «Ч». – Я всегда знал, что с вами можно договориться.

– «Три сестры»?

– Нет, – коротко ответил Павел, губ коснулась легкая улыбка.

– «Дядя Ваня»?

– Снова нет, – он знал, что за игру ведет Вера Ивановна. Они играли в нее каждый раз перед летними каникулами.

– Ну, тогда я не знаю, – Вера Ивановна повернулась к нему лицом. – «Вишневый сад» был четыре года назад.

– На этот раз мне придется поработать самому, а не полагаться полностью на Антона Палыча. – Павел поднялся, держа в руках тонкий томик с рассказами Чехова.

До дома минут пятнадцать-двадцать пешком. Проскользнуть между домами, обогнуть старый пожарный пруд, спуститься по старой тропе, а затем немного подняться, пройти мимо дома Морозовых, чтобы за углом...

– Пап, – его голос прозвучал резче, чем он того хотел, – Ты опять?

Павел тяжело вздохнул, бросил свой портфель на лавочку у немного покосившейся калитки и положил локти на забор.

Его отец Николай Звонарев, стоя на коленях, прибивал свежую доску к прогнившей ступеньке крыльца.

– Снега было много, доску повело. Если не укрепить, крыльцо со временем завалится.

Павел скользнул взглядом по соседскому участку. Одноэтажный дом с занавешенными окнами и выцветшими наличниками стоял пустым уже несколько лет. После смерти прежней владелицы, которую Павел знал под именем «тетя Нюра», наследники сгинули где-то в столице, оставив после себя лишь зарастающий бурьяном огород. Павла совершенно не волновала бы судьба этой развалюхи, если бы не одно «но».

– Да пусть оно хоть под землю провалится! – Павел распахнул калитку, подходя ближе. Внутри него кипела бессильная ярость. – Мы сколько раз уже говорили об этом, а ты опять горбатишься на чужом участке.

– Дом живет, пока за ним приглядывают, – упрямо буркнул Николай, пытаясь подняться. Павел тут же подхватил его под локоть, помогая встать.

– У этого дома есть законные наследники! – отрезал Павел. – Которым абсолютно плевать и на эти стены, и на это чертово крыльцо, и на то, что их пожилой сосед, по доброте душевной, нанялся к ним бесплатным разнорабочим. Бросай инструмент, пойдем домой.

– Не горячись, Паш, – Николай отвел глаза, пряча инструмент в ящик. – Мало ли дел у людей. Жизнь штука сложная.

– А мне кажется, пап, что жизнь предельно проста. Если хочешь, то приезжаешь и делаешь. Нет – берешь и бросаешь. Всё. Хватит жить прошлым.

Он почти силой увел отца с участка. Внутри у него все кипело. Ему было невыносимо больно смотреть, как отец, раз за разом возвращается в дом Морозовых, возвращается в свое прошлое, у которого было женское имя – Лариса.

Зайдя к себе, Павел никак не мог успокоиться. Нет, он злился не на отца, а на ту неизвестную ему столичную престарелую фифу, которая, даже не появившись здесь за последние три года, заставляла отца беречь старые раны.

Он прошел в комнату отца, выдвинул ящик комода, где хранились квитанции, и, быстро перебрав бумаги, нашел нужную ему записку. На обычной белой бумаге ручкой было выведено три адреса, по которым можно было найти Ларису Морозову.

Павел сел за свой письменный стол, достал три листка бумаги и ручку. Если отец никак не хочет отпускать эту историю, он попробует ему в этом помочь.

Почерк у него был твердый, убористый, с сильным нажимом.

«Уважаемая Лариса Ивановна!

Считаю своим долгом сообщить вам, что дом вашей покойной матери, расположенный по адресу: Калужская область, Боровский район, д. Зуевка, ... находится в аварийном состоянии. Участок зарос, постройки пожароопасны. Ваш сосед по собственной инициативе старается поддерживать порядок на вашем участке, однако это не может продолжаться вечно.

Настоятельно рекомендую вам в ближайшее время приехать и решить судьбу вашей собственности. В противном случае, во избежание штрафов, я буду вынужден обратиться в местную администрацию с заявлением о признании участка бесхозным, со всеми вытекающими юридическими последствиями.

П.Н. Звонарев».

Он перечитал письмо, получилось сухо и предельно по-деловому. Если она не приедет, Павлу придется запустить это дело в разработку администрацией. Он был уверен, что поступает правильно.

Павел переписал письмо еще дважды, сложил листы в простые конверты и аккуратно вывел на них три московских адреса, один из которых принадлежал дочери Ларисы, Анне Большаковой.

Глава 2. Короткое замыкание

Анна

Сплит-система в ее кабинете сломалась. Последние дни она, как последняя трудяга, работала на обогрев — в Москву пришли последние в году заморозки. Но всем уже хотелось почувствовать дыхание долгожданного лета.

Чтобы немного согреться, Анна спустилась в лобби, выпить настоящего кофе, а не этого «пойла» из автомата на этаже. Ожидая свой американо без сахара, она невольно прислушалась к разговору двух подружек. Обеим было не больше двадцати пяти.

— ...и я ему говорю: все, финита! — достаточно громко сказала одна. — Я потом выставила его, а сама с девчонками в клуб. Там пошло-поехало, и на утро я с проколотой бровью оказалась.

— Постой, и это все из-за того, что он с тобой в переписке перестал заигрывать? — осторожно спросила вторая.

— А как же, сегодня он от флирта отказывается, а завтра... Но я ведь не об этом. Ты слышишь меня?! Теперь я поняла, почему девчонок на всякие безрассудства тянет после расставания. Знаешь, а ведь и вправду отпускает. Стресс только так и выходит. Может, еще татуху набить?

— Боже, ты сумасшедшая, — подытожила подруга, поправляя бесформенный пиджак, и обе разразились громким смехом.

Анна стояла, застыв на месте и держа в руках остывающий кофе. Застегнутая на все пуговицы, в брюках с высокой талией, она никак не могла перестать разглядывать их. Свободных, молодых девчонок, которые так легко могли изменить свою жизнь: закончить отношения, перекрасить волосы, сменить страну проживания. Они жонглировали десятками разных жизней, примеряя на себя образы и профессии, как новомодные аксессуары. Анне казалось, что в ее возрасте, а ей было всего тридцать пять, такое уже невозможно.

Однако... Её отец, Алексей Большаков, доказал обратное. Пять лет назад он без колебаний оставил женщину, которая отдала ему свою молодость, женственность, радость и тепло, подарила дочь и прошла долгий путь от жены молодого предпринимателя времен лихих 90-х до спутницы мужчины, входящего в тридцатку Forbes. Когда у Алексея Большакова начались проблемы, он быстро расправился со всеми делами, в том числе с разводом, и уехал на Кипр, захватив с собой Анину сокурсницу, с которой последние десять лет он делил крышу, стол и «кэш».

Это стало первым ударом для Ларисы. Она надеялась, что дочь, которая к тому времени уже пять лет как была замужем, сможет осчастливить ее внуками. Но после двух лет самостоятельных попыток и трех протоколов ЭКО, Анна решила больше не ступать на этот непростой путь. Петя не возражал. В какой-то момент Анне показалось, что ему ребенок вовсе не нужен. После долгих лет, что он пел на бэк-вокале звезды русской попсы, его наконец заметили. Три года назад Петр с тремя друзьями организовали бизнес — ивент-агентство, где главной звездой стал сам Петр. А год назад он вышел в финал самого популярного в стране песенного шоу, и теперь его узнавали на улице, звали на федеральные каналы, он стал завсегдатаем московских концертных площадок.

Потом умерла бабушка. Анна её плохо помнила, знала только то, что ее тоже звали Анна. Когда-то в детстве они приезжали к ней в дом, что был лишь в двух часах езды от Москвы. Но мама навещалась туда редко, чаще бабушка приезжала в гости сама. Со временем отец вообще запретил ей появляться в их доме.

Лариса еще несколько раз посещала родную деревню, но всегда возвращалась оттуда грустной и подавленной. После таких поездок, как замечала Анна, интерес мамы к отцу воз-

растал. Лариса могла ходить за ним по пятам несколько дней, постоянно целуя его то в щеки, то в губы. Звонила ему по телефону и признавалась ему в любви по десять раз на дню.

Анна была с Петей в Дубае, когда мама позвонила ей сообщить новость. Она сказала дочери, что со всем справится сама, и когда Анна вернулась домой, бабушку уже похоронили. В родной деревне, рядом с мужем, под старой березой, что росла на самом краю небольшого кладбища. Мама после похорон окончательно пала духом. Оставшись в своей трёхкомнатной квартире в Басманном районе совсем одна, она могла по нескольку дней не выходить из дома, не открывать шторы, курить, слушать старый джаз — предаваться унынию, как богемная барышня, коей она всегда хотела стать. Спустя два года после смерти матери Лариса Морозова умерла от сердечного приступа в одиночестве, закрывшись от родной дочери не столько за закрытой дверью, сколько за закрытым сердцем.

Анна сделала большой глоток кофе, еще раз окинула взглядом оживленный лобби и направилась в сторону лифта, чтобы подняться к себе в кабинет.

Несмотря на прохладу дня, ей вдруг стало невыносимо душно. Она быстро расстегнула две пуговицы рубашки, достала из кармана телефон и нашла в справочнике один номер. Она часто вносила изменения в Петино расписание, так что ее звонок не будет неожиданным.

– Аня... Я, конечно, рад вас видеть, но мы не делаем женские укладки, — барбер Денис, низкорослый татуированный парень с идеально уложенной бородой, застыл с ножницами в руках. — У меня записан Петр, — осторожно добавил он.

– Денис, мне не нужна укладка, — Анна посмотрела на себя в огромное зеркало, откидывая за спину тяжелую волну темно-русых волос, спускающихся ниже лопаток. — Я хочу, чтобы вы их отрезали.

Пора вылезать из затяжной скуки, разъедающей ее уже несколько месяцев. И начать можно с простого — сломать привычный образ.

– Сколько отрезаем? — Денис неуверенно перебрал пальцами ее длинные пряди.

– Все, — кротко ответила Анна. — Оставьте каре, чуть ниже уровня скул.

Он не стал с ней спорить, просто накинул ей на плечи черную покрывало. Когда лезвия сомкнулись с хрустящим звуком, отсекая первую прядь, Анна закрыла глаза. Волосы стали тяжело падать на пол, прядь за прядью. Вместе с ними падали десятки дней, что она провела в молчаливой пустоте.

Ветер непривычно охлаждал открытую шею. Анна шла по тротуару, ловя свое отражение в витринах, и не могла сдержать улыбку. Впервые за долгое время она чувствовала себя легко, почти невесомо. В наушниках играла незамысловатая песня, от переполнявших эмоций ей хотелось подпевать.

Анна не вернулась в офис. Вместо этого она свернула к ближайшей «Кофемании». Вместо излюбленного горького американо заказала самый дорогой, бессовестно калорийный и приторно сладкий авторский раф с двойной порцией карамели. Сидя у окна, она наблюдала за спешащими людьми и чувствовала себя счастливой от того, что решила «остановиться». И секунду спустя, словно почувствовав ее настроение, из-за плотных облаков впервые за несколько дней показалось солнце.

Лежащий на столике телефон моргнул, на экране высветилось: «Петя». Анна не стала отвечать, просто смотрела, как гаснет экран.

Десять лет назад, когда они только поженились, Петя казался ей шумным фейерверком. Он был ярким, амбициозным, невообразимо смешным. С ним было легко, особенно после долгой жизни в «холодной» семье. Ей, тогда только закончившей финансовый, хотелось вечно смотреть на него так, немного снизу, с восхищенным придыханием. Он обещал ей мир, пол-

ный праздника. И он сдержал обещание. Но только праздник со временем превратился в бесконечные поминки их былых чувств.

Она вышла из кофейни и решила прогуляться. Перебросив плащ через руку, Анна отправилась в сторону набережной. Ей хотелось продлить этот «отрыв от земли», остаться в этом нарастающем тепле весеннего московского дня, зарыться лицом в букет расцветающей сирени и вернуть в сердце ощущение влюбленности в Петра, в Москву, в жизнь.

Эйфория закончилась в тот момент, когда она открыла дверь своей квартиры.

На нее обрушилась волна звука — модный дип-хаус сотрясал поверхности. В прихожей валялись туфли и сумочки, а из гостиной доносился взрывной смех Петра и звон бокалов. Очередная спонтанная вечеринка?

Она вошла в гостиную, где уже толпилось человек пятнадцать — в основном незнакомых. Петр с банкой «Гиннеса» в руке (она знала, что он будет «пить» ее весь вечер) стоял посреди комнаты и о чем-то болтал с милой блондинкой, что была на полторы головы ниже его. Он вдруг отвлекся, чувствуя, что на него смотрят. Встретившись с Анной взглядом, он сначала улыбнулся, но вскоре его внимание привлекли её волосы. На секунду в его глазах мелькнуло раздражение, но он быстро превратился в настоящего «профессионала» — расплылся в широкой улыбке, отсалютовал пивной банкой и шагнул ей навстречу.

— Дамы и господа, — он любил работать на публику, — похоже, нам всем не хватало парижского шика, так что Анна решила нам показать мастер-класс.

Петр крепко обнял жену и показательно положил свою свободную руку ей на ягодицу. Анна хотела его осадить, но поняла, что и так своим видом вывела его из равновесия. Петр неуклюже клюнул ее в щеку, тихо шепнув на ухо: «Аня, что за фокусы?».

Гости одобрительно присвистнули. Анна выдавила из себя вежливую светскую улыбку. У нее не было настроения, чтобы устраивать Пете разнос, тем более что ей удалось шокировать его больше, чем ему.

— Петя, я безумно устала...

— Что, стрижка отняла много сил? — саркастично парировал Петр.

— Ха-ха, — в глазах Анны промелькнуло раздражение, — в отличие от тебя, кто-то сегодня успел нормально поработать. Так что я пойду, а ты... — она стряхнула с его плеча невидимые пылинки, — можешь продолжать трудиться в поте лица.

Она вернулась в коридор, чтобы пройти в кабинет (дверь туда была первой на пути из холла), прихватив за собой стопку сегодняшней почты. Тяжелая дверь укрыла ее от развесистых басов и голосов.

Анна опустилась в кожаное компьютерное кресло за массивным столом. Включила маленькую настольную лампу, оставив большую часть комнаты в полумраке.

Она бездумно перебирала почту: рекламные буклеты, причем не самого лучшего качества, глянецовый журнал, белый конверт формата А5, с маркой и тонко выведенным черной ручкой...

Анна поднесла конверт к свету лампы. «Кто-то еще пишет настоящие письма?» — задавалась она вопросом. Но когда увидела имя получателя письма, ее удивление помножилось стократ.

Ее взгляд зацепился за почерк отправителя. Крупный, угловатый, без лишних завитушек. Но главное — это нажим. Отправитель писал черной гелевой ручкой и нажимал так, что на обратной стороне бумага стала рельефной.

Она поддела уголок. И достала из конверта сложенный вдвое небольшой лист.

«Уважаемая Лариса Иванова...»

Имя матери резануло глаз. Анна и подумать не могла, что мать когда-то состояла в переписке с кем-то... «Откуда пришло письмо?» Анна еще раз взяла в руки конверт и прочитала на лицевой части следующее:

Отправитель : «Звонарев П.Н.»

Откуда: «Калужская область, Боровский район, д. Зуевка, 8-ая линия, д.1»

Зуевка? Деревня, откуда ее мать была родом?

Анна снова взялась читать письмо, надеясь прочитать в нем что-то важное, что касалось бы матери, ее прошлого. Но по мере того, как ее глаза перебежали от слова к слову, внутри нее поднималась волна раздражения.

«...находится в аварийном состоянии. Участок зарос, постройки пожароопасны», «... настоятельно рекомендую вам...», «...буду вынужден обратиться в местную администрацию с заявлением о признании участка бесхозным, со всеми вытекающими юридическими последствиями...».

Она дочитала письмо и решительно бросила его на стол.

– Ну каков наглец, — она снова схватила письмо, чтобы прочитать подпись, — этот П.Н. Рекомендует он, еще бы потребовал!

Анна схватила письмо, еще раз перечитала, откинувшись на спинку кресла. Сначала она почувствовала легкий укол вины — она действительно забыла про этот дом, хотя ключи от него были у нее в столе, вместе со связкой от маминой квартиры. Но затем вина утонула в волне возрастающей ярости.

Она попыталась представить себе отправителя: наверняка он пузатый, вечно недовольный, в растянутых трениках и с блестящей лысиной, которую он натирает в минуты одиночества.

За дверью кто-то громко засмеялся. Жизнь, безлика и пластиковая, ждала ее за этими дверями. А здесь, на столе, лежало письмо, в котором человек выразил все, что в нем копилось не один год. Искра тихого бунта, что зажглась сегодня в барбершопе, была готова разгореться не на шутку.

«Настоятельно рекомендую вам в ближайшее время приехать и решить судьбу вашей собственности».

– Ну что, господин Звонарев, ждите меня!

Анна придвинула к себе ноутбук и открыла сайт с расписанием поездов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.